

СУББОТНИК НГ

НОЯБРЬ — 2000

Еженедельное приложение к «НГ»

№ 41 (41), 18 ноября 2000 г.

Выходит с января 2000 г.

- НИКОЛАЙ ПОГОДИН КАК ДИССИДЕНТ
- МАРИЯ БАБАНОВА ПРИШЛА ИЗ СКАЗКИ
- ТВ ПАВЕЛ ШЕРЕМЕТ:
ТВОРЧЕСКОЕ КРЕДО
- ТВ ТЕЛЕПРОГРАММА НА НЕДЕЛЮ
- ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПОЧТА «НГ»
- АФИШНАЯ ТУМБА

стр. 11

стр. 11

стр. 12

стр. 13

стр. 15

стр. 16

Наталья Заруцкая,
Александр Шуплов

— **С** ВЕТЛАНА, как вы пришли в оперетту?

— Так вот — шла-шла и пришла. Оперетту я любила с детства. Как рассказывает мама, пела с детского сада. Потом училась в средней школе в Люблино, была солисткой школьного хора. Любимым моим предметом, естественно, было пение. Все свое детство и юность пела в хоре детей железнодорожников, которым руководил брат композитора Исаака Дунаевского — Семен Дунаевский. Хор был вроде бы полупрофессиональный, но мы всю записьвали на радио, к нам приходили профессиональные композиторы, так что самодельностью это можно назвать с натяжкой. После школы отправилась поступать в Гнесинское училище. Я была стройна, хорошо танцевала, и меня определили на отделение музыкальной комедии. Позже мне очень понравилась оперетта, и я в нее буквально влюбилась. Оперетта — синтетический жанр (хотя сейчас к этому начинают стремиться многие театры): здесь надо уметь петь, танцевать — на высоком уровне. Я не теоретик, поэтому прошу не судить строго мое определение: по-моему, оперетта — это маленькая опера. Она, как правило, должна быть легкого характера, оптимистической, с хорошим концом. Обязательно должны присутствовать интересные диалоги и танцы.

— Пишутся ли сейчас в этом жанре новые произведения?

— До перестройки оперетт писали очень много. Тогда это было модно. Многие темы в этих советских опереттах идеологизированы, поэтому их сейчас не ставят. А ведь музыка в них была прекрасная. Ну, а некоторые произведения Стрельникова, Милюткина, Дунаевского устарели по части либретто.

— Неужели нельзя найти писателей, чтобы сочинить новые либретто?

— Сейчас просто так не пишут, пишут за деньги. Стало быть, нужны спонсоры с деньгами.

— Значит, надо доигрывать старый репертуар?

— Вообще-то, «Гамлет» — тоже старый репертуар.

— Неужели не хочется сыграть что-нибудь новенькое?

— А что такое «новенькое»? Новое — хорошо забытое старое. Посмотрите, что сейчас ставят в театрах: Островский, Шекспир — то, что по определению не может быть «стареньким». «Новенькое» может быть у Агутина. А «старенькое» — Пушкин. У нас идут «Марица», «Сильва», «Летучая мышь» — классические произведения, проверенные временем. Классика новой быть не может. Вы представляете себе выражение «современная классика»? Лично я — нет. Классическим произведением называется в том случае, если оно выдержит проверку временем — 10, 20, 50 лет... Или не выдержит — и уйдет, как песни Аллены Свиридовой.

— Возможна ли такая ситуация: собираются композитор и либреттист и договариваются: «Нам очень нравится эта артистка (или артист). Не написать ли нам для нее новую оперетту?»

— К сожалению, Оффенбахи рождаются не каждый год. Для кого сейчас пишут новые произведения? Например, кто писал для Галины Вишневской? Она играла и пела классику. А постановку для нее сделали по пьесам Островского. В оперетте сейчас нет ничего нового. Может быть, пройдет времена и для нас будут писать. А пока в оперетте расцвета нет.

— Застой?

— Думаю, этот застой создан искусственно и идет он от безденежья.

— У Театра оперетты нет денег?

— У Театра оперетты — не знаю, а у меня нет. Платят, конечно, зарплату. Смешно говорить, сколько. Я, народная артистка России, от силы получаю в месяц три тысячи. Живем гастролями. В последнее время побывали в Вене, Израиле, поехали по бывшему Союзу — от Минска до Владивостока, от Астрахани до Архангельска. И везде хорошо принимают. Каждый раз на гастролях убеждаюсь, что оперетта народом не забыта и по-прежнему любима. Выступаем с полными залами. Зритель у нас сохранился. Конечно, многое зависит от рекламы. Но у нас по-прежнему есть постоянные зрители, которые ходят, независимо от рекламы.

— И поклонники сохранились?

— И поклонники! Артистам оперетты повезло: на их спектакли ходят люди иного толка, чем эстрадные или футбольные фанаты.

— И многим поклонникам вы разбили сердца?

— Упаси боже. Никогда не задумывалась целью их разбивать. Это не мое амплуа в жизни. К тому же настоящая женщина не будет вести счет победам — разве она летчик-истребитель?

— Каким должен быть мужчина, чтобы вам понравиться?

— Говорят, современный мужчина должен быть обязательно деловым. А мне нравятся умные и добрые. Женщина должна чувствовать себя рядом с любимым мужчиной, как за каменной стеной. У меня с мужем именно так! А вообще, отвечаю вам словами своей героини из спектакля «Женщина и мужчина». Когда ей говорят: «Вот теперь мы узнаем о вас все», она отвечает: «Разве можно узнать о женщине все? Тогда она просто не женщина!»

— Есть ли у вас в искусстве кумиры?

— Кумиров я не люблю, но читаю и уважаю талантливых людей. У некоторых учусь, некоторых критикую... И очень люблю хороших певцов. В этом смысле мой неоспоримый кумир — Елена Образцова. Да и все солисты Большого театра — мои кумиры!

— Как вы относитесь к современной песне?

— По настроению. В годы моей юности была эстрада и песни. Сейчас — шоу и бизнес. Некоторые современные песни слушаю

Светлана Варгузова.

«МАРИЦА В КУПАЛЬНИКЕ» — называли журналисты звезду отечественной оперетты СВЕТЛАНУ ВАРГУЗОВУ

с удовольствием, некоторые — противно слушать. То на иностранном языке, то одни компютеры, то сплошь безголосые певцы... А тексты?! Такое впечатление, что порой нарочно коверкают слова, чтобы никто ничего не понял... Современная эстрада очень

разная: есть откровенно-пошлая, есть серо-безликая, есть просто средненькая, а есть и хорошая. Я очень тепло вспоминаю из эстрадных певцов прошлого Владимира Трошина, который, без преувеличения, был одной из звезд первой величины. Из певцов люблю Ларису До-

лину, особенно мне нравилось ее исполнение джазовых композиций. Она музыкальна, у нее голос — Божий дар. Ну, а сейчас она поет, что «кушают» и слушала. Впрочем, и эстрадные песни она исполняет на хорошем уровне. Очень культурный певец — Валерий Леонтьев. Не сравнить

с... я даже не запоминаю некоторых певцов. Раз не запомнила фамилию, значит, и слушать нечего! Если я послушала и не зафиксировала для себя эту личность, то это — приговор. Или вдруг начинаю путать Апино и Свирилову. Они, конечно, девочки хорошенькие, все прыгают. И вдруг... Помните, по ТВ транслировали фестиваль «Евровидение», где Алсу завоевала 2-е место? На нем выступало немало девичьих ансамблей. Главным условием было — петь «живьем». Вот когда все стало ясно! Я вдруг услышала такую фальшь, увидела полное отсутствие слуха и вокальных данных! Ну, как если бы в нашей оперетте запел кордебалет. Можете себе представить, что бы было? Нынешняя песня делается технически, искусственно — записи, наложения... А я считаю, что певец может состояться лишь в том случае, если вышел и спел живьем!

— И все-таки кто вам нравится из наших молодых исполнителей?

— Очень оригинальна Земфира. То, что сама пишет слова и музыку, говорит о многом...

— Мы живем в поющей стране. Как вы относитесь к тому, что сейчас некоторые политики записали или вышли на сцену?

— Их можно понять — они популяризируют себя.

— А если артист выйдет на политическую сцену?

— Кто-то и выходит. Например, Иосиф Кобзон.

— Как вы относитесь к женщинам, которые пошли в политику?

— Молодцы! Я их уважаю. Женщин в политике должно быть больше. Только бы они не омушествовались, а оставались женщинами. Ведь у женщин есть свой, женский подход к решению проблем, они могут находить такие решения, которые мужчинам и в голову не придут. Ну, а если говорить об искусстве, то без женщин его вообще не может быть! Здесь для женщины — самое широкое поле деятельности.

— Вы — политизированный человек?

— Хожу, голосую. Кого рекламируют — за того и голосую. Иногда бывает обидно: дурят нашего брата. Политики не облегчают людям жизнь, а наоборот — усложняют. Очень много проблем.

— Как вы думаете, эти проблемы реальные или искусственные?

— Нам говорят, мол, по-другому нельзя. Не знаю, может быть, и нельзя. И все-таки раньше у людей была какая-то определенность в жизни, хотя возможностей было и меньше. А сейчас не знаешь, что будет завтра, через месяц... Что-то все время происходит с рублем и этим... как его там... долларом. Видимо, деловые люди на этом делают деньги. У актеров другая жизнь. Мы играем — и должны получать за свою работу достойную зарплату. Достойную!

— До перестройки вам жилось лучше?

— Во всяком случае, я, народная артистка, была обеспеченным человеком, имела приличную зарплату. И пусть я не имела виллы за границей, как сей-

час имеют некоторые, но я чувствовала себя защищенной. Я предполагала, что после ухода на пенсию буду преподавать — и этого мне будет достаточно. Теперь же выясняется, что за преподавательскую работу платят такие гроши! Меня сейчас пригласили в ГИТИС преподавать вокал. Приходится вкладывать в каждого студента силы, здоровье, а материальной отдачи никакой. Когда-то был популярен стишок: «Тяжела и неказиста жизнь советского артиста». Теперь это можно сказать про любого человека. Я отнюдь не бедствую так, как некоторые популярные артисты кино. Они поднимали русское искусство, отдавали ему жизнь, здоровье — а умирают в полной нищете. Ужас!

— Вы фаталист или считаете, что человек — кузнец своего счастья?

— Иногда думаешь: «От судьбы не уйдешь». А иногда: «Надо что-то делать!» И тогда заставляю себя что-то делать, преодолеваю, трачу силы и энергию. А потом появляется ощущение, что если бы я ничего не делала, все равно было бы то же самое. Суетиться не всегда хорошо. Иногда лучше остановиться и предоставить событиям идти так, как они должны идти. Хотя так можно и проспать!

— Как складываются ваши отношения с религией?

— Человек всегда во что-то верит — в судьбу или в Бога. Но обязательно верит! Я хожу в церковь, хотя и не часто... Кстати, в числе моих поклонников — настоятель Владимирского монастыря. Иногда он поздравляет меня с праздниками, присылает цветы, пишет письма, в которых высказывает замечания по поводу моих спектаклей. Очень просвещенный человек, разбирающийся в искусстве и владеющий литературным языком.

— Распространена ли в среде артистов оперетты зависть?

— Сейчас, как я заметила, у многих развиты хватательные рефлексы. Работает закон джунглей: «Кто с ножом — тот с мясом!» Но то — джунгли, а мы живем в человеческом обществе — в обществе, где совесть, к сожалению, оказалась не в моде... Я — не завистливый человек и никому не завидую. Разве что могу испытывать зависть к какой-то роли, которую мне хотелось бы сыграть. За свою жизнь я сыграла около 50 больших ролей. Мне повезло: маленькие роли меня миновали. И играла почти во всех опереттах, которые шли и идут в нашем театре. — Сильву, Марицу, Адель. Розалинду... Если говорить о мечте, то она у меня одна — играть, играть, играть! И еще — я давно мечтаю спеть некоторые мужские арии в опереттах. Мне кажется, мужчины не всегда могут точно и тонко выразить те чувства, которые заложены в прекрасной музыке...

— Какое событие в жизни запомнилось вам как самое радостное?

— В детстве, когда я училась, кажется, в 4-м классе, мама купила мне новые ботинки. В те времена с обувью было плохо. Я была счастлива! И еще никогда

не забуду свой школьный выпускной вечер. Я была в новом, сшитом к вечеру платье, нарядная, красивая, говорили, лучше всех!

— Так вы уже в школе были звездой?

— Что вы! Я никогда звездой не была, но люди со стороны замечали, что я — какая-то особенная, во мне есть изюминка.

— Считаете ли вы себя секс-символом?

— Нет, я далеко не секс-символ. Конечно, актриса оперетты должна иметь, как говорят в театре, «манок», посылать в зал со сцены «призывы». Если этого нет в тебе самой, если, как говорится, Боженька не дал, то не достичь никакими ухищрениями. И все же я не секс-символ. Мне всегда тепло в моих ролях, я живу в них, они — моя вторая, третья, если хотите, бесконечно иная жизнь, как у каждого творца. Может быть, поэтому мне трудно сказать, кто бы мог претендовать сегодня на роль секс-символа, хотя многие стремятся создать себе подобный имидж.

— Как женщина вы ощущаете свой возраст?

— По-разному бывает. Иногда ощущаю, иногда нет. Порой тяжело ходить на сцене на высоком каблучке. И все-таки когда выхожу на сцену, не ощущаю ни усталости, ни возраста.

— В чем секрет вашего жизнелюбия и молодости?

— Надо сохранять в себе состояние влюбленности! Или жить так, чтобы в тебя были влюблены. Моя тайна — любовь! Когда женщина любима или влюблена, она всегда привлекательна и неотразима.

— Наложил ли оперетта на вас свой специфический, чисто «опереточный» отпечаток?

— Основатель нашего театра, патриарх опереточного жанра Григорий Ярон говорил: «Оперетта — искусство молодых и умеющих быть молодыми». Я умею быть молодой. Одеваюсь, как мне удобно. Хожу в мини. Говорят, у меня хорошие ножки. В одной газете как-то меня назвали «Марицей в купальнике».

— Вы считаете себя счастливым человеком?

— Счастье — это сиюминутное состояние. Когда хорошее настроение — я счастлива. А вообще-то, жизнь полосатая... И потом, мне рано еще подводить итоги.

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Светлана Павловна Варгузова родилась в Москве. Закончила Государственное музыкальное училище им. Гнесиных. Работает в Московском театре оперетты, где исполняет ведущие партии в классических опереттах Легара, Кальмана, Оффенбаха. Во втором браке живет с мужем 20 лет. Имеет дочь Анастасию и двух внуков — Ксюшу и Марию.